

Глобальный диалог

2.2

Ответ на исламофобию

Катрин Делкруа

Новый исламский популизм

Веди Р. Хадиз

Кто виноват в замораживании переговоров об изменении климата?

Герберт Доцена

Дебаты: Социология в мире неравенства

Петр Штомпка,
Тина Уйс,
Никита Покровский,
Фернанда Бейгель,
Хельга Новотны

- > Возможности глобальной солидарности трудящихся
- > Гражданское общество в Израиле
- > Чечня.: Когда конец войны не означает наступление мира
- > АЛАС: Итоговая декларация
- > ЕСА: Социология в беспокойное время
- > МСАРК: До свиданья, Девора! - Приветствуем Мохаммеда!

NEWSLETTER

VOLUME 2 / ISSUE 2 / NOVEMBER 2011

GDN

International
Sociological
Association

> От редактора

Одна из важнейших задач социологии -- бороться со стереотипами и политическими искажениями, в том числе теми, которые касаются современного ислама. В этом номере “Глобального диалога” Катрин Делкруа анализирует, как мусульмане в Европе реагируют на исламофобию; Веди Хадиз рассматривает исламскую популистскую мобилизацию в Индонезии и Египте, которая противостоит рыночной идеологии, следуя модели партии Справедливости и Развития, которая в настоящее время является правящей в Турции.

Герберт Доцена показывает, как аргументы рынка и морали сталкиваются в переговорах о климатических изменениях в контексте, когда Север отрицает свою вину за столетия загрязнения окружающей среды, а Юг отказывается противостоять условиям, которые были созданы другими акторами. Рынок в этих обсуждениях предстает как нейтральный арбитр, хотя в других случаях его деструктивный потенциал вполне очевиден. Так, Роб Ламберт пишет о том, как международная солидарность трудящихся глобального Юга противостоит неолиберальным политикам, а Девора Калекин описывает летние протесты против сокращения социальных пособий в Израиле.

Рыночный фундаментализм и его последствия - в центре внимания двух публикуемых нами приветствий, прозвучавших на недавних конференциях Европейской социологической ассоциации и Ассоциации латиноамериканских социологов. Эти обращения близки по содержанию теме приближающегося Всемирного социологического конгресса в Йокагаме (2014) - социология в неравном мире. Эту же тему в иной перспективе освещает Петр Штомпка, формулируя 10 тезисов, которые стимулируют 4 различных ответа. Эти дебаты не новы, но их тематика получает новую актуальность в контексте осознания глобальных аспектов неравенства.

Правозащитная колонка номера описывает опыт страданий рах-Russiana в Чечне, а историческая колонка отдает должное научной деятельности Деворы Калекин, преданного редактора International Sociology Review of Books, издания, которое она основала в 2006 году. И наконец, я приветствую польскую и испанскую команды социологов, которые издадут “Глобальный диалог” на польском и испанском языках. Таким образом это издание доступно теперь на 13 языках.

Глобальный Диалог доступен на [Facebook](#) и на сайте МСА. Статьи направлять Майклу Буравому: burawoy@berkeley.edu

> В этом номере

От редактора 2

ИСЛАМ

Ответ на исламофобию: “выход”, “голос” и “верность”
Катрин Делкруа, Франция 3

Новый исламский популизм
Веди Р. Хадиз, Австралия 6

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ

Кто виноват? Бурные времена в переговорах об изменениях климата
Герберт Доцена, Филиппины 8

Каковы возможности глобального рабочего движения?
Роберт Ламберт, Австралия 10

Открытие себя: Инициативное гражданское общество в Израиле
Девора Калекин-Фишман, Израиль 12

ДЕБАТЫ: СОЦИОЛОГИЯ В МИРЕ НЕРАВЕНСТВА

Десять тезисов о статусе социологии в мире неравенства.
Петр Штомпка, Польша 14

Совершенство и баланс: создавая социологию, которая имеет значение
Тина Уйс, Южная Африка 16

‘Пациент от госпитализации отказался’ или ‘В защиту социологии’
Никита Покровский, Россия 18

Академическая зависимость
Фернанда Бейгель, Аргентина 19

Создавая социологию в сегодняшнем неравном мире
Хельга Новотны, Австрия 21

ТЕМАТИЧЕСКИЕ КОЛОНКИ

Права человека: Когда конец войны не означает наступление мира
Алиса Щепаникова, Германия 23

Итоговая декларация: Ассоциация латиноамериканских социологов
Ракель Соса Элизага, Мексика 25

Социология в беспокойное время:
Обращение в адрес Европейской социологической ассоциации
Аналия Торрес, Португалия 27

Редакторы МСА: До свидания, Девора! Приветствуем Мохаммеда!
Интервью Дженнифер Платт, Англия 29

> Редакционный совет

– Редактор: Майкл Буравой. – Исполнительные редакторы: Лола Бусутти, Август Бага. – Заместители редактора: Маргарет Абрахам, Тина Уйс, Ракель Соса, Дженифер Платт, Роберт Ван Крикен. Редакционные консультанты: Изабела Барлинска, Луи Шовель, Дилек Сидоглу, Том Дуайур, Ян Фриц, Сари Ханафи, Хайме Хименес, Хабибул Хонджер, Саймон Мападименг, Ишвар Моды, Никита Покровский, Эмма Порно, Йошимичи Сато, Винеета Синха, Бенъямин Техерина Tejerina, Чин-Чун Йи, Елена Здравомыслова. – Региональные редакторы – Арабский мир: Сари Ханафи, Мунир Сайдани. Бразилия: Густав Танигути, Джулиана Тонче, Педро Манчини, Фабио Силва Цунода, Дмитрий Кербончини Фернандес, Андреса Галли, Рената Баррето Претурлан. Колумбия: Мария Хозе Алварес Ривадулла, Себастьян Виллализар Сантамария, Андрес Кастро Араухо. Индия: Ишвар Моды, Ражив Гупта, Рашими Джайн, Удай Синх. Иран: Рейханейх Джавади, Шахрад Шахванд, Зейнаб Несар, Фатемех Хросани, Наймех Тахери, Сагхар Бозорги, Тара Асгари Лалех. Япония: Казухиса Нишихара, Мари Шиба, Йошия Шитотани, Коусуке Химено, Томохиро Таками, Ютака Ивадате, Казухиро Икеда, Ю Фукуда, Мичико Самбе, Такако Сато. Польша: Николай Миржеевский, Анна Пикатовска, Каролина Николаевска, Якуб Розенбаум, Томаш Пятек, Михал Хельмински. Россия: Елена Здравомыслова, Ася Воронкова, Елена Никифорова. Испания: Гизела Редондо. Тайвань: Джин Мао Хо. – Медиаконсультанты: Анни Лин, Хосе Ретуэра.

> Ответ на исламофобию:

Выход, голос, верность

Катрин Делкруа, Университет Страсбурга, Франция

Уличное искусство: мусульманки в хиджабах - настоящие французские гражданки.

В Европе растет исламофобия. Совсем недавно я была в Брюсселе на семинаре, где собрались социологи, исследующие вопросы гражданства в Европе. Один известный европейский парламентарий, который принимал участие в написании Европейской конституции, заявил: «Мы, европейцы, не можем допустить, чтобы ислам, жестокая религия, ставил под вопрос нашу европейскую христианскую идентичность. Если мигранты-мусульмане и их дети хотят остаться в Европе и быть признанными европейцами, они должны отказаться от своей

системы ценностей и религиозных убеждений». Большинство из нас были просто шокированы! Коллега из той же страны, что и этот политик, спросил его: «Вы думаете, Ваша позиция совместима с уважением к правам меньшинств, ключевым для демократии?», на что тот ответил: «Сохранение европейского порядка является нашим важнейшим приоритетом. Это важнее, чем уважение прав меньшинств, и даже важнее, чем демократия».

Исламофобия в действительности очень стара. В свое время,

когда Алжир был французской колонией, предвзятое негативное отношение привело к тому, что колонизированным народам было отказано в имущественных и гражданских правах: согласно декрету Креме (décret Crémieux, 1870), местные жители могли стать гражданами Франции и восстановить свои гражданские права только отказавшись от мусульманства - что, конечно, делали очень немногие. Сохранив свою веру, местные народы теряли права и свободы и, таким образом, становились узаконенным объектом притеснения колонизаторов.

Войны за независимость изменили правила игры в Северной Африке и других регионах. Алжирцев, марокканцев и тунисцев во Франции - как и пакистанцев, индийцев в Британии или индонезийцев, марокканцев и турок в Нидерландах - сначала

>>

определили как (временную) рабочую силу, «гастарбайтеров», как их называли в соседних странах. Затем им позволили привезти жен и детей; при этом они всегда выделялись как особый класс людей, хотя сейчас он воплощается скорее в «этническом» (читай: «по цвету кожи») измерении. В настоящее время дети и внуки этих людей требуют полноценного европейского гражданства, при этом постоянно сталкиваясь со стигматизацией по признаку «религии» или «происхождения».

Какова реакция европейских (французских) мусульман на распространяющиеся ныне расизм и исламофобию? Никто не знает наверняка, и полевые исследования могут дать нам лишь примерное представление. Последние 20 лет я проводила исследования случаев (case studies) мусульманских иммигрантских семей во Франции, сосредоточившись, в частности, на том, как в рабочих семьях выходцев из Магриба учат детей справляться с дискриминацией. Я использовала методологический подход реконструкции семейных историй, основанный на интервью истории жизни с несколькими членами каждой семьи: родителями и детьми. Исследование охватило семьи из самых разных регионов и городов Франции.

На сегодняшний день никто не предложил концепции, которая дала бы всестороннее объяснение реакции дискриминированных на дискриминацию; это касается и ситуации антисемитизма в Европе в 1920-х гг., и современной исламофобии. Чтобы объяснить этот феномен, я обратилась к известной типологии Альберта Хиршмана: «выход», «голос» и «лояльность» («верность») (1). Экономист Хиршман анализировал спектр индивидуальных реакций на дисфункциональную государственную бюрократию - например, на плохое управление железными дорогами в условиях государственной монополии.

Хиршман утверждал, что все реакции на эту ситуацию попадают в одну из трех категорий - выход, голос или лояльность. Пользователи могут продолжать принимать высокую стоимость путешествия на поезде («лояльность»), протестовать и жаловаться (подавать «голос») или же ехать на машине и вообще забыть о железной дороге («выход»).

Оказалось, что эта типология неплохо работает также применительно к анализу действий людей, столкнувшихся с расизмом. Так, они могут либо протестовать (голос), что делали сравнительно немногие евреи в 1930-е гг. и немногие мусульмане сегодня. Они могут оставаться пассивными в надежде, что все образуется, как вели себя многие интегрированные евреи Германии или Франции. Это - стратегия «лояльности», которая в их случае закончилась трагически. Или же они могут принять решение покинуть страну, то есть выбрать стратегию «выхода».

> ВЫХОД

Начнем со стратегии «выхода». Во Франции растет число молодых людей, которые, не найдя работу дома, едут попытать счастья в Монреаль. Канада по-прежнему принимает новых иммигрантов при условии наличия квалификации. Большинство из них в Канаде испытывают одинаковое чувство прозрения, которое выражается следующим образом: «Во Франции я не смог найти работу из-за своей арабской фамилии, фамилии отца, который эмигрировал из Марокко. А в Монреале меня вдруг перестали воспринимать как араба. Для канадцев я был французом, просто французом. А потом они спросили меня о квалификации... Это было так приятно! Во Франции все, чего я хотел, это быть как все, быть французом. Я так старался, я приложил так много усилий, но люди всегда возвращались ко мне все с тем же вопросом о моем «происхождении» или

«вероисповедании»!

Таким образом, избежать расизма путем эмиграции - это одно из возможных решений. Молодые французские мужчины действительно эмигрируют в Австралию или в страны Персидского залива. Не все, однако, имеют доступ к таким возможностям и существуют другие, менее счастливые, способы «выхода». Хорошо известно, что расизм наносит вред личности, самовосприятию человека и его уверенности в себе, в особенности людям более замкнутым и менее жизнестойким. Некоторые могут прибегнуть к наркотикам или даже самоубийству, что также является формой «выхода».

> ГОЛОС

«Голос» - это стратегия протеста против несправедливого, дискриминирующего социального порядка; такой протест может быть индивидуальным или коллективным. «Голос» - это борьба за признание: «Эй, общество! Я один из твоих членов - так признай меня таковым! И еще признай мои права меньшинства! Живи согласно провозглашенным тобой самим идеалам!»

Во Франции есть много примеров стратегии «голоса» в дискриминируемых группах. Некоторые из них - формальные и организованные коллективные действия, другие - неформальные и краткосрочные, такие как беспорядки в пригородах в ноябре 2005 года, вызванные убийством молодого человека при попытке к бегству от полиции. В отличие от «выхода», протесты против полицейского насилия со стороны полиции, призывы к «Франции» следовать провозглашенным идеалам свободы, равенства и братства не означают отрицания французского общества, как это представляется многим. Совсем наоборот. Такая стратегия означает, что дискриминируемые все еще верят в способность французского общества к самореформированию.

Из трех основных типов реагирования

>>>

на расизм, именно стратегия «голоса» открывает возможность перехода от индивидуальной реакции к коллективной, от микро-действий к действиям на локальном, региональном или даже национальном уровне. Однако путь коллективной мобилизации не прост, поскольку общественный порядок всегда наносит ответный удар, и не всегда посредством прямых репрессий - он гораздо изобретательнее, а его самое распространенное оружие – дискурсивное: изощренные способы искажения фактов и намерений своих противников.

Рассмотрим пример с мусульманским платком. Почему девочки и молодые француженки, рожденные в мусульманских семьях, принимают решать носить платок? Возможно, из-за давления фундаменталистов? Однако из интервью социологов со старшекласницами выяснилось, что совсем не поэтому. Большинство девушек заявили, что сами решили носить хиджаб, и часто против воли родителей. Сначала этому никто не поверил, но впоследствии оказалось, что это действительно так. При этом, по словам девушек, это вовсе не означает, что они чувствовали себя француженками в меньшей степени.

Лучшее объяснение «феномену платка» было предложено Хурией Бутелджа (Houria Bouteldja), указавшей на противоречивую ситуацию, в которой находятся француженки-мусульманки второго поколения. С одной стороны, они ощущают груз расизма в отношении арабов, рост исламофобии и дискриминации на рынке труда. Но давление, оказываемое на молодых мужчин, гораздо больше, чем на этих женщин, которым «белое» общество посылает отдельное сообщение: «оставьте место, где вы выросли, забудьте об авторитете отца и братьев; оставьте их. Повернитесь спиной к прошлому и присоединяйтесь к открытому французскому обществу».

Искушение последовать такому призыву довольно велико: это искушение свободой, поскольку в самом деле во многих мигрантских семьях из Магриба все еще

сохраняются нормы и запреты патриархальной культуры. Но такой выбор будет означать предательство своей семьи и общины. Это ловушка, говорит Бутелджа, и молодые женщины нашли выход из этой ловушки – платок. Надевая его, они без слов сообщают французскому обществу: «нет, мы не предадим родителей и наше сообщество. Вы обращались с ними жестоко сначала как с гастарбайтерами, а теперь как с мусульманами; мы остаемся на их стороне!»

Но в то же время, по мнению Бутелджа, хиджаб посылает сообщение мужчинам мусульманской общины, отцам и братьям этих женщин: «Смотрите: мы не предали вас, мы вас поддерживаем, мы не вняли «их» словам, верно? А теперь, пожалуйста, позвольте нам идти своим путем. Мы не будем плохо себя вести, но мы хотим быть свободными, чтобы продолжить учебу; мы предпочитаем одиночество браку с незнакомцем; мы хотим подготовиться к профессиональной жизни». Это не «выход»; это и не «верность» (французскому обществу); это явная стратегия «голоса», но в ее утонченном, усложненном варианте.

> ВЕРНОСТЬ

Что же тогда означает «верность» (лояльность)? Трудно соблюдать лояльность в отношении общества, которое отвергает вас, потому что вы кажетесь радикально иным. Тем не менее, в первом поколении мигрантов действительно преобладала лояльность в отношении к расистскому обществу, даже несмотря на войну за независимость в Алжире. Так, исследование мигрантов старшего поколения из разных стран происхождения, проведенное в 2005 г. Клодин Атиас-Донфут (Claudine Attias-Donfut) показало, что, по их утверждению, более 90% чувствуют себя во Франции дома.

Более того, я сама была свидетелем того, как многие родители-мигранты убеждали детей не отвечать грубостью на оскорбления. Такова была стратегия обучения детей терпению с целью увеличить их шансы на социальный успех. Однако молодежь второго поколения разделяет более транснациональную концепцию лояльности: они верят в ценности Французской Республики и считают себя гражданами Европы, верят в

европейскую демократию и защиту прав меньшинств. Их чувство принадлежности к Европе поддерживается тем, что зачастую члены их семей живут в других европейских странах.

«Принадлежать или не принадлежать?» – вот в чем вопрос, но чтобы принадлежать требуется два условия. Исламофобия является противоположностью признания, необходимого для принятия человека обществом и для возникновения у человека чувства принадлежности. Позвольте мне закончить словам Флои Антиас: «чувство принадлежности возникает на основании формального и неформального опыта. Оно подразумевает не только права и обязанности, связанные, к примеру, с гражданством или другими формами коллективной идентификации, но и определенную социальную позицию, сконструированную формальными идентификациями, и тем, как эта позиция влияет на стабильность личности, чувство единства с большим целым и эмоциональные и социальные связи».

Такова суть проблемы. Я считаю, что у нас, социологов, есть возможность - например, через изучение отдельных случаев или биографий – повлиять на европейский здравый смысл, чтобы европейские мусульмане перестали быть «козлами отпущения» и стали «одними из нас».

Источники:

- Anthias, F. (2002) "Thinking through the lens of Transnational Positionality," www.imrstr.dcu.ie [4:1].
Attias-Donfut, C. (2006) *L'enracinement. Enquête sur le vieillissement des immigrés en France*. Paris: Armand Colin.
Bouteldja, H. (2006) "On vous a tant aimé-es." Entretien réalisé par Christelle Hamel et Christine Delphy. *Nouvelles Questions Féministes* 25(1).
Delcroix, C. (2009) "Muslim Families in France: Creative Parenting, Identity and Recognition." *Oral History* 37(2).
Hirschman, A. (1972) *Exit, Voice and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations and States*. Cambridge: Harvard University Press. ■

(1) На русский язык типологию Хиршмана (exit-voice-loyalty) иногда переводят, как «уход, протест и лояльность», что, по мнению некоторых исследователей, является более адекватным. При этом в опубликованном переводе книги Хиршмана употребляются лексемы- «выход», «голос» и «верность», которые мы и используем здесь из соображений согласования. См. Хиршман А.О. Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств/ Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2009. – 156 с. – Библиотека Фонда «Либеральная миссия». Прим. пер.

> Новый исламский популизм

Веди Р.Хадиз, Университет Мердока, Австралия

Народная поддержка премьер-министра Турции, Реджеп Тайип Эрдогана, развивающего идеологию объединения исламизма и неолиберализма.

Одной из самых любопытных черт недавних восстаний в арабский странах является то, что их не возглавляли мусульманские оппозиционные движения. То, что мусульмане-оппозиционеры отказались от роли лидеров, довольно интересно, так как мусульманские группировки были наиболее заметным источником несогласия с авторитарными режимами (особенно это относится к Северной Африке и Ближнему Востоку), начиная с потери популярности левых взглядов в мусульманских обществах во время холодной войны. Несмотря на это, в таких странах, как Тунис и Египет, партии “Ан-Нахда” и “Братья-мусульмане” соответственно, вероятно всего, хорошо себя чувствуют в новой поставоритарной обстановке. Это привело к возрастанию тревожности и преувеличенной исламофобии в западных СМИ. Если копнуть поглубже, мы увидим, что мусульманская политика разных стран часто трансформируется

под влиянием того, что можно называть “новым мусульманским популизмом”. Если старая политика исходила из интересов приходящей в упадок традиционной мелкой буржуазии – городских торговцев, мелких товаропроизводителей и деревенской элиты, то новая форма скорее создаётся альянсом весьма несовместимых элементов: маргинализированных секторов буржуазии, амбициозных и образованных представителей нового городского рабочего класса, застрявших на нижних ступенях социальной иерархии, а также всё увеличивающихся масс городской бедноты, за последние несколько десятков лет появившейся в таких расползающихся и хаотичных мегалополисах, как Каир, Стамбул и Джакарта, в поисках образования, работы и лучшей жизни. Умма, однако, в обеих формах воспринимается как некая замена понятия “народ”, которое является неотъемлемой частью всех популистских грёз, противопоставляющих

морально добродетельные, но маргинализированные массы алчной и хищной элите.

Трансформация подобного рода оказала сильное влияние на такую структуру, как “Братья-мусульмане”, которая, несмотря на внутренние противоречия, всё ещё является наиболее организованной силой египетского гражданского общества. Первые ростки “нового популизма” были, по сути, уже заметны, когда в Турции в 2002 году пришла к власти Партия Справедливости и Развития (ПСР), модель которой, скорее всего, сейчас старается перенять египетская Партия Свободы и Справедливости – новейший электоральный локомотив “Братьев-мусульман”. Даже индонезийская Партия Справедливости и Процветания в Юго-Восточной Азии (ПСП), которая недавно довольно убедительно победила на третьих подряд общих выборах – самая успешная из множества исламоориентированных партий – в течение многих лет также находила вдохновение в успехах ПСР. Хорошо известно, что кроме того,

>>>

что ПСР приняла демократию, она бесхитростно соединила неолиберальную экономическую реформу с традиционными представлениями мусульманского популизма о социальной справедливости.

Успех ПСР нельзя объяснить смягчающим эффектом участия в электоральной демократии, как пытаются это сделать некоторые авторы. Гораздо важнее понимание того, что для продвижения социальной экономической и политической позиции умме (сообществу верующих - А.В.) не обязательно мусульманское государство или государство, жёстко управляемое шариатом. Данная цель может быть достигнута позитивным перепозиционированием умма и его политических и организационных механизмов по отношению к существующему государству и рынку.

Несмотря на активную поддержку городской бедноты и на то, что лидеры этой партии происходят из образованного городского среднего класса, самой важной причиной успеха ПСР стала поддержка партии со стороны так называемой анатолийской буржуазии, состоящей из мусульманских по своей культуре предпринимателей. Эта социальная группа была относительно маргинализована кемалистским светским бюрократическим и политическим истеблишментом, который больше благоволил стамбульской крупной буржуазии. Важно упомянуть, что анатолийская буржуазия, имеющая относительно провинциальное происхождение, богателя и набирала силу с тех пор, как в 1980-х Турция перешла к экономической стратегии, более ориентированной на экспорт и глобальный рынок. В случае Турции, разумеется, агитация за мусульманское государство противоречит конституции страны, и ПСР даже не может открыто признать себя мусульманской партией, несмотря на то, что она выросла из старинных исламо-

ориентированных групп и сетей. Однако это не стало препятствием для возникновения межклассовых альянсов, которые, успешно завоевав контроль над правительством, стали заниматься политикой, укрепляющей позицию уммы, – политикой, которая противоположна целям и задачам светских элит, обвиняемых в плохом экономическом управлении, авторитарных практиках, а также культурном снобизме.

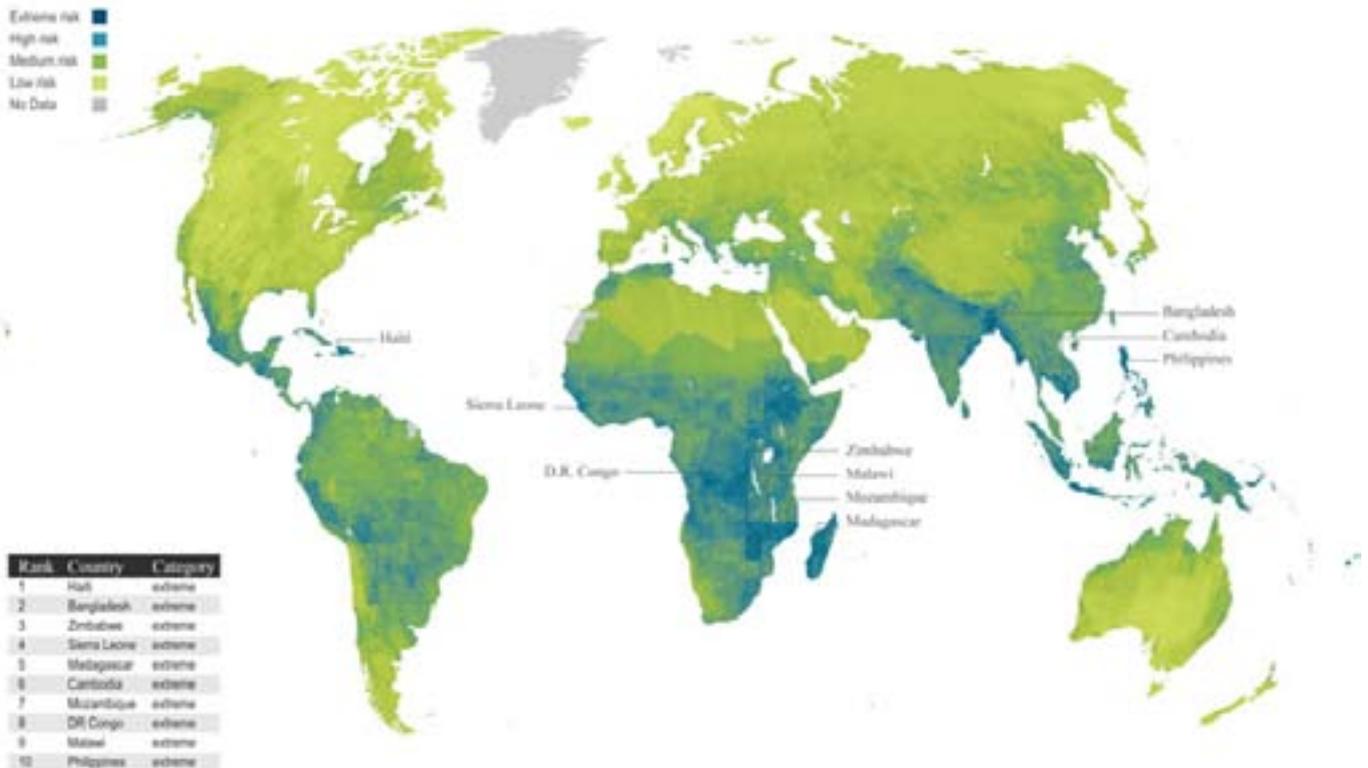
Ситуация в Египте, несомненно, слишком изменчива для того, чтобы предполагать, что “Братья-мусульмане” будут иметь такой же успех, как ПСР в Турции. На самом деле им пришлось значительно уменьшить свою роль в египетской пост-авторитарной обстановке, чтобы их не воспринимали как силу, спровоцировавшую египетское восстание. Тем не менее, “Братья-мусульмане” претерпели внутренние изменения со времён Хасана Аль-Банни или Саида Кутба. Они также могут рассчитывать на мощную поддержку молодых горожан среднего класса и, разумеется, большого количества бедных горожан, если принять во внимание относительную дезорганизованность левых и либеральных сил. Кроме того, важнейшей опорой Мусульманского Братства были крупные и малые предприятия, которые поддерживали его предыдущие полусекретные вылазки в предвыборной политике. В результате режим Мубарака подверг “Братьев” остракизму. Также “Братья-мусульмане” представляют себе демократию как полезный инструмент для захвата высоких экономических позиций, прежде занимаемой мубаракской кликой.

Однако, “новый исламский популизм” не всегда бывает близок к успеху. Так, например, в Индонезии ППС – его главный представитель в этой стране – имеет мало шансов получить власть. Это интересно само по себе, так как один источник её слабости – по сравнению с

турецкими или египетскими аналогами – это отсутствие сильной мусульманской буржуазии, связанное с преобладанием китайского этнического элемента в индонезийской буржуазии.

Вне зависимости от того, насколько успешным будет “новый исламский популизм”, он повлечёт за собой важные последствия, которые бросят вызов целям, стратегиям и механизмам мусульманской политики в современном мире.

Карта изменения климата - индекс уязвимости территорий. Бледно-зеленым цветом выделены наименее уязвимые территории. Темно-синим цветом отмечены наиболее уязвимые. Страны Севера дают самый высокий процент выбросов CO₂ на душу населения, но наименее подвержены эффектам изменения климата. Напротив, страны Юга, для которых характерен наименьший процент выбросов, наиболее уязвимы. Карта представлена Maplecroft.

> Кто виноват? Бурные времена в переговорах об изменении климата

Герберт Доцена, НПО «Фокус на глобальный Юг, Филиппины и Университет Калифорнии, Беркли

В декабре этого года тысячи чиновников, активистов, лоббистов и, возможно, даже кто-то из суперзвезд полетят в Дурбан на 17-ю конференцию Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН). В июне следующего года многие отправятся в Рио, чтобы отметить двадцатилетие подписания РКИК ООН и других природоохранных соглашений. Двадцать лет прошло со времени самых сложных, по мнению многих экспертов, и, возможно, самых весомых межправительственных переговоров в истории. Но что было достигнуто за это время?

Пока я пишу эти строки, в Булакане, на Филиппинах, сотни людей проводят очередную ненастную ночь на крышах в ожидании спасения от наводнения, которое принес последний супер-

тайфун; они ждут, потому что в деревне с населением в несколько тысяч есть только две спасательные лодки, курсирующие от дома к дому. И это всего спустя несколько дней после того, как страна вспоминала худший тайфун недавней истории – и, судя по прогнозам, в преддверии еще одного тайфуна.

Прошло двадцать лет с того дня, как правительства согласились сократить выбросы, но штормы становятся сильнее и чаще, а засухи - все более серьезными, как и предсказывали исследования климата. Согласно докладу, опубликованному в мае прошлого года Международным энергетическим агентством, выбросы углекислого газа в прошлом году действительно были самыми высокими в истории. Почему же, несмотря на договоренности,

выбросы, которые, по выражению философа Питера Сингера (Peter Singer), являются «странными новыми способами убийства», продолжают расти?

В июне этого года в Бонне я наблюдал за переговорами по климату и был поражен тем, что в настоящее время обсуждается вариант соглашения «Обязательство и контроль» (pledge-and-review), согласно которому все страны должны сами решать, как им действовать. Никаких целей, никаких обещаний! В другом зале Боливия призывала к введению глобального налога для финансирования борьбы со стихийными бедствиями, вызванными изменением климата. Я был ошеломлен, поскольку, изучив историю переговоров, знал, что оба предложения обсуждались и были отклонены в начале 90-х, и вот они снова на повестке дня. Я приехал в Бонн и обнаружил, что переговоры не сдвинулись с мертвой

точки. Почему же они застопорились?

На основании более чем двадцати интервью с людьми, тесно вовлеченными в этот процесс во всем мире, и анализа сотен страниц переговорных документов, можно предположить, что одна из причин в том, что два основных блока - Север и Юг - до сих пор не нашли удовлетворяющий всех ответ на самый простой, но, вероятно, и самый фундаментальный вопрос переговоров: Кто виноват?

В самом деле, в основании этих все более таинственных дебатов лежит именно этот вопрос - возможно, самый обычный из всех моральных вопросов - и он же ответственен за застарелые точки противостояния: с самого начала большинство развивающихся стран - от самых индустриализированных до беднейших - считали Север виновным за выбросы, совершенные им в ходе индустриализации и приведшие к изменению климата. Большинство развитых стран - несмотря на размолвки между европейцами и американцами - единодушно отрицают это обвинение.

Переговорная позиция США за эти годы изменилась, но есть мнение, с которым согласны все лица, вовлеченные в процесс принятия решений, будь то республиканцы или демократы, убежденные защитники или «климатические» скептики, лоббисты от бизнеса или инвайронменталисты. Это мнение главного переговорщика Тодда Стерна, выраженное в следующей фразе: «Мы абсолютно осознаем свою историческую роль в создании выбросов в атмосферу, но я категорически отказываюсь говорить о чувстве вины или возмещении ущерба». Все переговорщики США, с которыми я говорил, повторяли одну и ту же фразу: нас нельзя обвинять за то, о чем мы не знали и что (возможно) причиняет вред.

Надо отметить, что стороны уже давно согласились вносить вклад в соответствии с «общей, но дифференцированной ответственностью и соответствующими возможностями», но эта фраза сейчас стала наиболее спорной в истории переговоров: переговорщики Юга делают акцент на «дифференциации», придерживаясь убеждения, что эта лексема отсылает к исторической вине Севера. Переговорщики Севера подчеркивают слово «общие» и, в отличие от переговорщиков Юга, которые

часто останавливаются на фразе «общей, но дифференцированной ответственности», обязательно добавляют «и соответствующих возможностей», указывая на то, что они участвуют в процессе потому, что у них для этого больше возможностей, а не потому, что они обязаны это делать.

Мы наблюдаем в этих формулировках не просто семантическое фехтование, поскольку позиции по вопросу об ответственности ориентировали ответы каждой из сторон на три конкретных вопроса, ускользающие из переговоров: Кто несет ответственность? Кто - и что - должен делать? Кто кому обязан?

Упирая на свой статус потерпевшего, Юг настаивает на своем большем весе в принятии решений, склоняется к карательным и принудительным мерам и постоянно требует «компенсаций» от Севера. Отсюда его требования обязательных мер, таких как глобальные налоги или штрафы за превышение выбросов. Отвергая обвинения в свой адрес и объясняя свою готовность прикладывать усилия для предотвращения изменений климата скорее возможностями, чем моральным долгом, Север стремится ограничить принятие решений, ратует за «гибкость» и «экономическую эффективность», продвигает принцип добровольности, а не обязательности предлагаемых мер и выступает за поощрение тех, кто сокращает выбросы. В результате появляются такие предложения, как «обязательства-и-контроль» (pledge and review) или такие механизмы, как торговля квотами на выброс углекислых газов.

Различия в исходных посылах, укорененные в особенностях исторического развития, неравенстве между Севером и Югом и динамикой глобального капитализма, объясняют неспособность переговорщиков выработать общую позицию.

Усилия Севера из соображений эффективности ограничить переговоры только крупными эмиттерами, а не включать в них все 193 страны, кажется вполне разумным таким людям, как профессор экономики из Беркли Брэд Делонг (Bred DeLong) (который в той же самой речи признал, что «многие жители Сан-Франциско были бы не против иметь климат Лос-Анджелеса»): по его мнению, только ведущие страны должны принимать

решения. Такой подход не приемлем для поборников правосудия: агрессорам, как правило, не позволяют определять условия их наказания.

Требования поощрительных - а не карательных - решений кажутся разумными тем, кто считает себя великодушными лидерами, но раздражает тех, кто считает лидеров виновными правонарушителями: грешникам обычно не разрешается просить о смягчении наказания. Аналогичным образом, «доброжелательные лидеры» считают в высшей степени оправданным отказ Севера от установления всеобщего демократического контроля над климатическими фондами (на основании того, что Югу нельзя доверять). В свою очередь этот отказ кажется абсурдным тем, кто стремится «наказать преступников»: моральная несостоятельность жертв не рассматривается как оправдание виновных. Даже в разреженном поле климатической дипломатии невозможно избежать обыденных вопросов о виновности и невинности, потому что ответы на них могут определить условия наших социальных отношений с другими и, в особенности, в ситуации неравенства. В течение двух десятилетий Север и Юг борются за эти условия на каждом этапе переговоров, пытаясь решить, что стороны могут обоснованно требовать друг от друга и от самих себя, каковы права и обязанности сторон и так далее. На сегодняшний день Север, при некоторой поддержке с Юга, добился институционализации своих утверждений о невинности через гарантию «гибкости» в Киотском протоколе и его обращение к торговле углеродными квотами, механизму, перекрывшему предложения Юга о карательных штрафах и обязательной компенсации.

Однако это не означает, что вопрос решен раз и навсегда, о чем свидетельствуют продолжающиеся требования реституции, международного суда по проблеме климата или шоу о «климатической справедливости». И пока не найдено удовлетворительное решение, переговоры могут застопориться еще лет на двадцать. Такая ситуация может быть вполне удовлетворительна для тех, кто живет в Беркли, но она совсем не радует тех, кто ждет помощи на крышах Булакана. ■

> Каковы возможности глобального рабочего движения?

Роберт Ламберт, Университет Западной Австралии, бывший председатель исследовательского комитета МСА по рабочим движениям

Сеть солидарности Австралии и Венесуэлы, 1 мая в Каракасе, 2008 г

Даже в самые мрачные времена мы вправе ожидать просвета, но этот просвет вряд ли принесут теории и концепции - скорее, он возникнет из того неопределенного, мерцающего, часто слабого свечения, которое почти при любых обстоятельствах исходит от жизни и трудов некоторых мужчин и женщин, которые источают его на протяжении срока, отведенного им на земле.

Ханна Арендт: «Люди в темные времена».

На фоне переживаемых нами кризисов (в области климатических изменений, финансов, занятости) обсуждение перспектив «глобального рабочего движения» (global labor) в текстах Эдуарда Вебстера, Пун Нгаи и Энрике де ла Гарса (см. ГД, 1.5, июль 2011) стимулируют размышления по ключевому вопросу: может ли общество противостоять синхронизированной власти глобальных корпораций, финансовых институтов и национальных государств, предложив альтернативную логику разрешения надвигающейся человеческой катастрофы? Может ли глобальное движение трудящихся стать актором в активизации обществ для строительства новых отношений с природой, изменения архитектуры финансов, радикального регулирования глобальных корпораций, торговли и инвестиций и восстановления гарантированной занятости и стабилизации общества на основе социальной справедливости? Может ли такое движение бросить вызов абсурдности неолиберализма, в качестве решения проблемы рассматривающего саму причину этих разрушительных кризисов?

Учитывая мощь этих институтов, даже попытка вообразить такую перспективу кажется абсурдной.

Все названные выше авторы высказываются по существу проблемы. Опираясь на свое многолетнее исследование труда в Южной Африке, Вебстер рассматривает «идею солидарности», т.е. механизмы фрагментации и укрепления культуры и стратегии солидарности трудящихся в разных обстоятельствах. Если так сложно преодолеть индивидуализм на местном уровне, то насколько сложнее сделать это глобально? По Вебстеру, это возможно с помощью трех типов солидарности: 1) основанной на правах человека (защита пострадавших), производство (объединяющее трудящихся на рабочих местах), а также правовое регулирование (разработка закона о защите прав и стандартов). Пун Нгаи афористически называет Китай «мировой фабрикой», которая является «глобальным кошмаром для нового рабочего класса». Система hukou позволяет сельскохозяйственным рабочим «работать в городе, но не позволяет им жить в городе», и

они живут как «полурабочники», вынужденные «скитальцы» преобразованных ландшафтов Китая. Исследовательница показывает как отсутствие статуса (non-status) и эксплуататорские условия вызвали значительный рост коллективного сопротивления.

Наконец, Энрике де ла Гарса, опираясь на опыт Латинской Америки, отвечая Вебстеру, утверждает, что глобализация капитала может привести к «глобализации трудящихся как общественного движения». Такое движение может быть реализовано через новые идентичности работников, с опорой на связи в цепочках создания стоимости и сетях занятых в неформальном секторе, составляющем от 40 до 70 процентов рабочей силы в Латинской Америке. Что касается перспектив развития глобального рабочего движения, тут он ставит вопрос: готовы ли профсоюзы противодействовать неолиберализму, определять свою роль более широко и возродить утопические видения общества?

Эти идеи, однако, останутся чистыми абстракциями без изучения различий в развитии глобальной рабочей силы, основанного на оценке движущих сил (agency), политики и коллективных

>>>

действий. Следующий ниже текст начинает обсуждение этих вопросов, ибо публичная дискуссия - это шаг в построении солидарностей, о которых пишет Вебстер.

> ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ (Agency)

Необходимо различать этаблированный и новый интернационализм трудящихся (НИТ): если продуктом первого являются карьерно-ориентированные бюрократы, то второй производит активистов, ориентированных на борьбу. Творцами изменений являются активисты, вдохновленные идеей освобождения человека даже несмотря на большие личные издержки. Такие трудящиеся отличаются от тех, для кого глобальный рынок труда является новой возможностью, предполагающей карьерный рост и комфортную жизнь среднего класса. В то время, как Глобальный Юг продолжает производить активистов, гнев, порожденный глобальным финансовым кризисом (ГФК), может вызвать аналогичную динамику на Севере. Знаменитое высказывание Грамши об «оптимизме воли» побуждает ученых использовать весь потенциал и участвовать в процессе не только в роли регистраторов событий, но в качестве публичных интеллектуалов, действующих в пространстве между офисом и улицей. Сможет ли внутренний гнев побудить нас к действию? Насколько мы готовы разорвать деструктивный цикл чистой рыночной логики? Размышления над нашим собственным выбором проливают свет на активное действие (agency) как критическую переменную, способную изменить политику.

> ПОЛИТИКА

За некоторым, пусть и заметным, исключением, институционализированное рабочее движение Глобального Севера, (Международная и глобальная конфедерации профсоюзов) разводят политику и экономику и ограничиваются критикой последствий неолиберализма без анализа его разрушительной сущности. Такое рабочее движение выступает за свободную торговлю и убеждено в том, что издержки глобализации могут быть

компенсированы трудовыми правами и социальными программами; его деятельность сводится к лоббированию, несмотря на то, что за последние полвека эта тактика принесла мало плодов.

Надежды на политическое оживление до известной степени (и не безусловно) связываются с Глобальным Югом и национальными рабочими движениями, обладающими сильной традицией протеста, (напр., CUT в Бразилии, CTA в Аргентине, КОСАТУ в Южной Африке, CITU в Индии и KCTU в Корее). Эти движения на протяжении двух последних десятилетий упорно борются против неолиберальной реструктуризации. Организации объединяются через SIGTUR - Инициативу Юга по глобализации и правам профсоюзов, и сейчас появились новые предложения по формулированию видения: обозначающие не только то, против чего нужно бороться, но и называя то, за что нужно бороться. SIGTUR уже начал обсуждение конкретных характеристик альтернативы неолиберализму и плана краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных преобразований. Эта борьба, по убеждению SIGTUR, есть новая, глобальная освободительная борьба, требующая политики либерализации на всех уровнях. В основании этой политики лежит теория эксплуатации Маркса, дополненная анализом рынков, общества и коммодификации Поланьи. Если глобальная рабочая сила на Юге разработает новую политику, это, учитывая серьезность нынешнего кризиса, может вдохновить людей на Севере. Активизм и новая политика закладывают основу для движения нового типа.

> НА ПУТИ К НОВОМУ ГЛОБАЛЬНОМУ ДВИЖЕНИЮ (НОВАЯ ИДЕЯ СОЛИДАРНОСТИ)?

Концепция нового типа глобального социального движения, объединяющего «недовольных, отчужденных, лишенных и обездоленных», разработанная Дэвидом Харви, предлагает интересную перспективу. На международной конференции Global Union, UNI, в Париже в июне 2011 года лидер французской Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) выразил сожаление, что рабочему движению не удалось вступить в контакт с молодыми *indignados* Испании, *aga-*

naktismenoi (возмущенными) Греции или молодежь арабской весны, чтобы показать, что их действия взаимосвязаны и борьба за демократию должна быть расширена до борьбы против неолиберального капиталистического развития. Возможности для нового движения есть, но, уже создав некоторые связи, глобальная рабочая сила не смогла воспользоваться моментом и сформировать такое движение. Действительно, институционализированное рабочее движение настолько срослось с лоббированием в пятизвездочных отелях, разбросанных по миру, что не выказывает никакого интереса к личной мобилизации. Координированных коллективных глобальных действий нет, и их должен будет инициировать Юг.

> ГЛОБАЛЬНОЕ КОЛЛЕКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Политика лоббирования должна уступить место радикальным действиям, разрушающим логику глобальной экономики – судоходство, транспортную сферу в целом - и глобальные производственные сети изнутри. В 1990-х SIGTUR организовали несколько весьма успешных бойкотов судоходства. В Корее лидер рабочего движения за последнее десятилетие несколько раз попадал в тюрьму за попытки заблокировать движение городского транспорта. Эти дисциплинированные, совместно организованные действия демонстрируют потенциал глобального рабочего движения. Есть ли у нас, активных интеллектуалов, воображение и политическая воля, чтобы способствовать развитию новых инициатив в этих сферах? Роль публичных социологов - в последующей борьбе за идеи, в укреплении новой политики, движения и действия. Достигнет это предприятие успеха в ближайшие десятилетия или нет – все равно придут те, кто в разворачивающейся драме выберут улицу, а не отели, и именно эти люди смогут принести тот просвет 21-го века, о котором говорила Ханна Арендт в своих размышлениях о темных временах века 20-го.

> Открытие себя: низовое (grassroots) гражданское общество в Израиле

Девора Калекин-Фишман, Университет Хайфы, Израиль, бывший вице-президент МСА по публикациям и редактор *International Sociology Review of Books*

Летние протесты против маркетизации в Израиле.

Год арабской весны стал также годом израильского лета. Гигантская двухмесячная демонстрация нарушила благодушие самодовольной правой коалиции, включающей около двух третей Кнессета. Этим летом граждане открыли свои сердца и признались, что им трудно мириться с происходящим; их охватило чувство товарищества, хорошо знакомое солдатам в боевых подразделениях. До сентября

правительство и муниципалитеты с удовольствием поощряли протестующих. Что может быть лучшим знаком того, что Израиль является демократическим государством? Улицы наводнили мужчины и женщины, арабы и евреи, представители среднего и низшего классов, требующие справедливого перераспределения ресурсов и обновления правительства как органа служения народу. Последующие субботние ночные

>>>

марши протеста включали все возрастающее количество граждан всех возрастов.

Четвертая демонстрация, прошедшая 3 сентября, собрала огромное число участников - 430 000 человек (7% населения): более 300 тыс. в Тель-Авиве, 50 тыс. арабов и евреев в Хайфе и тысячи в других городах по всей стране, включая сотни в арабских поселениях. Организаторы не вступали в соглашение ни с одной политической партией, именно это стало причиной устойчивой массовости акции. Были созданы комитеты экспертов для разработки проекта реформ, основанных на универсалистских принципах расходования бюджетных средств на улучшение условий труда, достойное жилье, медицинские и образовательные услуги. Правительство, со своей стороны, учредило собственный комитет для изучения возможностей в рамках заданного бюджета.

После гигантского марша протест продолжился организацией множества круглых столов, анализирующих проблемы и разрабатывающих дальнейшие предложения для правительства. Протестная энергия трансформировалась в низовую гражданскую активность. С приближением еврейских осенних праздников муниципальные власти решили навести порядок на улицах, о чем уведомили живущих в палатках протестующих. В результате этого респектабельный протест «среднего класса», охвативший все население, превратился в демонстрацию действительно бездомных – тех, кто отвечает соответствующим критериям, стоит в виртуальном «листе ожидания» и имеет право на получение социального жилья. Для этих людей палатки были не демонстрацией, а достойной альтернативой жизни в парадных домах или в «вечных гостях» у родственников.

Их положение стало логическим следствием трех десятилетий деятельности правых правительств, которые, начиная с 1977 года, сознательно и систематически демонтировали государство всеобщего благосостояния и навязывали повсеместно неолиберальный режим. Прикрываясь угрозами безопасности, реальными и сфабрированными, сменяющие друг друга коалиции утверждали, что гражданская дисциплина и покорность являются единственными способами приумножения национального блага. Призывы неформальных объединений, борющихся за права человека в Израиле и на оккупированных территориях, систематически игнорировались, за исключением непоследовательных исков в суде, да и то в тех редких случаях, когда эти иски не подавлялись «правым» законодательством.

Сгущение сотен ассоциаций в Израиле в активность гражданского общества было поразительным. Все началось, когда молодой человек по имени Ицик обнаружил, что цены на творог (cottage cheese, в Израиле называемый просто «коттедж») - продукт первой необходимости в любой израильской семье) в Израиле гораздо выше, чем в Европе или США. На своей странице в фейсбуке он организовал потребительский бойкот, который в итоге не только привел к снижению цен, но и стал репетицией протеста среднего класса. Сам протест начался в начале июля, когда Дафна Лееф, будучи не в состоянии больше платить аренду, переехала в палатку и к ней присоединились сотни людей, оказавшихся в сходном положении. Неожиданно «Kittuim» - традиционный израильский пятничный спорт, заключающийся в сидении-в-гостиных-с-друзьями-и-сотрясания-воздуха-жалобами, – заложил основу для рационального списка требований, определяющих право на жизнь.

Такое развитие протеста напоминает представительную демократию «городских собраний» кибуцского движения. Подобно организаторам гражданского общества в Польше и Мексике, те, кто стоит во главе израильского протеста, хотят повлиять на власть, дав голос народу. Есть и те, кто настаивает на «революции» в модели управления государством. В то же время представители правительства утверждают, что «послание протестующих было принято к сведению» и комитеты примут соответствующие меры. Но до выборов еще больше года, и есть серьезные сомнения в том, что нынешнее правительство сможет сделать что-то большее, чем использовать всем известную уловку и учредить краткосрочный режим предвыборной экономики. ■

> Десять тезисов о статусе

СОЦИОЛОГИИ В МИРЕ неравенства

Петр Штомпка, Краковский Университет, Польша, бывший президент МСА

Почти десять лет назад на мировом конгрессе МСА в Брисбане я был избран президентом МСА, выдвинув при этом чрезвычайно «политически некорректный» лозунг: «Совершенство прежде баланса» (excellence rather than balance). Сейчас этот лозунг выглядит снова актуальным, особенно после конгресса в Гетеборге 2010 г. и убедительной победы Майкла Буравого, который в очередной раз сделал революционную инъекцию МСА заявлениями о необходимости «альтернативных», «коренных» (indigenous) социологий, угнетающем характере западных методов и теорий и «империализме» английского языка. Мы обменялись противоположными мнениями на страницах Contemporary Sociology (июль 2011, стр. 388-404), но поскольку это привело к фундаментально ошибочному пониманию моей позиции и навешиванию на меня столь незаслуженных ярлыков как «последний позитивист» и слепой фанат США, я хочу снова выразить свою позицию, сделаю это максимально четко и кратко, в десяти пунктах. Майкл публикует

мою позицию на страницах Глобального диалога, за что ему большое спасибо.

В О - П Е Р В Ы Х , нельзя делать эпистемологические заключения на основании текущей мировой ситуации или конкретных особенностей институционального статуса нашей дисциплины в разных обществах. Большинство социологов, в том числе и я, вследствие своей профессиональной чувствительности полностью отдают себе отчет в наличии несправедливого неравенства между современными обществами и внутри их, включая различия в исследовательских возможностях. Но это не означает, что у привилегированных и недостаточно привилегированных должны быть разные социологии. Хорошая социология одинаково способна понимать богатство и бедность.

В О - В Т О Р Ы Х, перефразируя известную поговорку: прежде чем изменить несправедливый мир, его нужно понять. И снова, большинство социологов, в том числе и я, ориентированы на реформы, но наши чаяния как активистов не

могут быть реализованы путем морализаторства, проповедей или идеологических манифестов. Это может быть сделано только через выявление механизмов и закономерностей социальной жизни, в том числе и тех, которые создают и цементируют неравенство и несправедливость. Карл Маркс провел большую часть своей жизни в библиотеке, а не на баррикадах, и является титаном социальной науки благодаря Капиталу, а не Коммунистическому манифесту.

В - Т Р Е Т Ы Х, для множества социальных миров существует одна социология. Механизмы и закономерности социальной жизни универсальны для человеческой расы, хотя, конечно, их проявления различаются в зависимости от цивилизаций, культур, обществ или сегментов общества. Тем не менее вследствие глобализации сглаживаются даже различия внутри обществ, за исключением тех, которые относятся к несправедливым неравенствам (Север vs. Юг, центр vs. периферия, расовые, классовые и гендерные различия внутри обществ) и религиозным фундаментальным течениям (правоверные vs. неверные).

В - Ч Е Т В Е Р Т Ы Х, стандарты социологического исследования

и хорошей теории универсальны и включаются в кумулятивно развивающийся инструментарий методов и плюралистский архив социологических теорий. Это не имеет ничего общего с «позитивизмом», потому что качественные методологии, как и интерпретативные теории, доминирующие сегодня и фокусирующиеся на особенностях предмета исследования, тоже требуют универсальных стандартов, даже если стандарты отличаются от стандартов «позитивистской» социологии, пытающейся имитировать естественные науки.

В-ПЯТЫХ, грех происхождения не дисквалифицирует результат. Исторический факт, что стандартный инструментарий и плюралистский архив теорий разрабатывались бородами зрелыми мужами, главным образом, евреями, живущими в Германии, Франции и Британии, и развивались, в основном, в западной Европе и США, не свидетельствует об имплицитно присущем им качестве. Последнее всегда было и должно быть подвержено скептическому изучению, поправкам и улучшению. Но отрицание этой методологической и теоретической традиции как «империалистической» является признаком обскурантизма. Вместо этого я, вслед за Ньютоном и Мертоном, посоветовал бы «встать на плечи гигантов».

В-ШЕСТЫХ, тщетная попытка создавать «альтернативные» или «местные» (indigenous) социологии пагубна для дисциплины. Наука, включая социальную науку, не знает границ. Она развивается как общий пул знаний, в который вносят свой вклад все национальные, континентальные, региональные социологии. У них могут быть уникальные исследовательские возможности, повестки дня, особые проблемные акценты и ориентации, но им не требуется никаких альтернативных методологий или местных теорий. Вместо того, чтобы утверждать необходимость местных социологий, мой совет: просто делайте это. Есть много важной

социологической работы, сделанной в незападном мире. Но она, как правило, базируется на стандартных методологиях и вносит свою лепту в универсальный пул теорий. В ней нет ничего альтернативного или местного, кроме просто хорошей социологии.

В-СЕДЬМЫХ, призывы к национальным социологиям имеют мало смысла в глобализующемся и все более космополитичном современном мире. Из факта существования различий между странами или национальными государствами не следует то, что их социологии тоже должны различаться. Единственный смысл «национального» в этой области касается некоторых сохраняющихся институциональных различий, разных отцов-основателей, разных исследовательских фокусов. Но результаты, если они заслуживают называться «социологией», а не просто исследованиями регионов или местной статистикой, должны быть достаточно абстрактными, чтобы обогатить универсальное поле социологического знания.

Будущее, в том числе и МСА, не за национальными социологиями, а за исследовательскими группами или сетями (сегодняшними и исследовательскими комитетами, целевыми или рабочими группами).

ВОСЬМОЕ. Тот исторический факт, что естественный язык (английский), а не какой-то искусственный, специально созданный (скажем, эсперанто), стал самым распространенным инструментом коммуникации на авиалиниях, в сфере туризма, компьютерном мире, в Интернете и в науке, включая социологию, - это не катастрофа, а прекрасная возможность. Это тем более так для социологов, работающих в странах, языки которых являются относительно мало распространенными (как моя собственная) - сейчас они имеют в своем распоряжении большую часть

универсального социологического наследия (через переводы на английский) и приобретают видимость и возможность внести лепту в универсальный пул (публикуясь на английском языке).

ДЕВЯТОЕ. Ошибочно думать, что экзистенциальная ситуация исследователя дает ему эпистемологические преимущества. Раскрытие механизмов и закономерностей несправедливостей и неравенства не было исключительным достижением неудачников или инсайдеров. Многочисленные примеры свидетельствуют об обратном. Единственная легитимность в науке обеспечивается качеством результатов, а не социальным статусом ученого.

ДЕСЯТОЕ. Оценочные суждения и идеологические расхождения неизбежны, и даже допустимы в социологии на эвристической стадии выявления проблемы или исследовательской темы, но не должны присутствовать в конечных результатах и их обосновании. Все оценки, как советовал Гуннар Мюрдал, должны быть открыты для дискуссии. Это я и попытался сделать в этих десяти тезисах.

¹ См. мою статью в: The ISA Handbook of Diverse Sociological Traditions (Sage, 2010), ed. by Sujata Patel.

² Objectivity in Social Research (New York: Pantheon Books, 1969).

> Совершенство и баланс: Создавая социологию, имеющую значение

Тина Уйс, Университет Йоханнесбурга, ЮАР, вице-президент МСА по работе с национальными социологическими ассоциациями

Статья Петра Штомпки является логическим продолжением написанного им обзора трехтомного сборника материалов конференции Совета национальных ассоциаций МСА, состоявшейся в Тайване в 2009 г. Этот обзор опубликован в Contemporary Sociology вместе с ответной статьей Майкла Буравого, организатора той встречи и бывшего вице-президента МСА по национальным ассоциациям. Тема тайваньской встречи: «Лицом к лицу с миром неравенства: вызовы глобальной социологии». Этой же теме будет посвящен следующий Всемирный конгресс МСА в Йокогаме, Япония, в 2014 г. В отличие от Штомпки я не вижу в этих докладах особого «революционного запала»: на мой взгляд, это, скорее, попытка продвинуться в понимании неравноправной организации процесса производства и обмена знаниями между центром и периферией.

В этой связи полезно вспомнить историю МСА и ее отношений с национальными ассоциациями. Когда в 1948 г. по инициативе ЮНЕСКО была основана МСА, членство в ней ограничивалось национальными ассоциациями и, следовательно, было коллективным. В 1970 г. было введено индивидуальное членство, что расширило международную вовлеченность в МСА и усилило развитие исследовательских комитетов, но также привело к постепенному снижению роли национальных ассоциаций в решениях МСА. Когда в период с 1974 по 1978 гг. в структуре

МСА появились позиции вице-президентов (по взаимодействию с исследовательскими комитетами, по разработке программы конгрессов, по членству и по финансам), позиция вице-президента по национальным ассоциациям почему-то не была предусмотрена. Во время конгресса в Билефельде в 1994 г. Совет национальных ассоциаций, бывший тогда главным принимающим решением органом МСА, был замещен Ассамблеей двух советов, состоящей из Исследовательского комитета и Совета национальных ассоциаций.¹

С момента основания МСА президентство было преимущественно прерогативой Европы (10) и США (5), за исключением двух случаев, Фернандо Кардозо из Бразилии (1982-1986) и Т.К. Ооммена из Индии (1990-1994). Президенты исследовательских комитетов нынешнего созыва (2010-2014) в подавляющем большинстве своем тоже представители Глобального Севера. Штомпка может сказать, что это свидетельство большей значимости принципа «совершенства», а не «баланса» представительства. Рейуин Коннелл, возможно, будет другого мнения. Такой результат можно интерпретировать как проявление общей тенденции социальных наук воспринимать теорию - территорию Глобального Севера, при этом сводя роль Глобального Юга к сбору данных и применению теорий, что приводит к «доминированию метрополии и маргинальности периферии в социальных науках» (2007: 219). При объяснении можно также учитывать роль таких факторов,

как большая информированность научного сообщества о трудах Глобального Севера в силу широкого распространения публикаций, наличия авторитетных центров образования и/или языковой доступности.

Согласно Уставу МСА, цель организации - «представлять социологов всего мира независимо от их интеллектуальных школ, научных подходов или идеологических позиций и развивать социологическое знание в мировом масштабе». Можно сказать, что это утверждение противоречит представлениям Штомпки о независимой от контекста «единой социологии для множества социальных миров» и «универсальных стандартах социологического исследования и хорошей теории». Нельзя полагать, что идеи (understandings), получившие развитие в определенных контекстах, будут применимы везде, особенно если эти контексты ограничиваются Глобальным Севером.

На протяжении многих лет МСА активно старалась сделать свою цель реальностью. В числе примеров этому - десять региональных конференций, инициированных Иммануэлем Валлерштайном, тогда президентом МСА, в преддверие XIV Всемирного социологического конгресса 1998 года, с фокусом на состоянии мировой социологии из региональной перспективы. Большим достижением в восстановлении баланса в структуре принятия решений МСА были выборы Сужаты Пател из Индии первым вице-президентом национальных ассоциаций в 2002 г.

>>

Тогда же в Уставе МСА появилась статья о том, что встречи Совета национальных ассоциаций должны проходить раз в четыре года между всемирными конгрессами. Первая такая встреча прошла в Майами, США, в 2005 г. Итоги дискуссий были опубликованы в сборнике «Разнообразие социологических традиций: пособие МСА» под редакцией Сужаты Пател (2010).

Так же, как есть методологии, соревнующиеся за наше внимание, существуют и конкурирующие мировоззрения. В качестве такой линзы может выступать, например, местная (indigenous) социология, или гендерная или гуманистически-либертарианская перспектива. Местная или коренная социология может отсылать к разным контекстам: к области внутри страны, наднациональному региону (напр., Глобальный Юг) или к позиционному подходу, сформированному, например, на пересечении гендера, класса, этничности и/или возраста. Сложной задачей будет сохранить все эти различия под одной крышей (социологии и МСА), поскольку если люди чувствуют, что в каком-

“ есть ли место для различий в нашей единой науке?””

либо пространстве их не услышат, они уходят. Итак, есть ли место для различий в нашей «единой науке» и могут ли все различные позиции быть услышаны?

Следующая встреча Совета национальных ассоциаций МСА в 2013 г. представляет идеальную платформу для создания такого пространства. Мы сделаем возможным настоящую дискуссию и дебаты на равных о темах и подходах, значимых для социологов всех стран и регионов. Только так мы сможем доказать, что у нас есть и квалификация, и баланс представительства для создания такой социологии, которая имеет значение как на локальном, так и на глобальном уровне.

¹ Превосходный очерк истории МСА см: Platt, J. (1998) A Brief History of the International Sociological Association: 1948-1997. Montreal: ISA. <http://www.isa-sociology.org/history-of-isa.htm>

² Connell, R. (2007) Southern Theory. Cambridge: Polity Press.

³ Patel, S. (ed.) (2010) ISA Handbook of Diverse Sociological Traditions. London: Sage.

> «Пациент от госпитализации отказался» или «В защиту социологии»

Никита Покровский, ВШЭ, Москва, Президент СОПСО, член исполкома МСА

После многих лет работы в области профессиональной и международной социологии у меня возникает ощущение, что будущее социологии в сегодняшнем мире в опасности. Ее судьба более неясна, а наши профессиональные ряды более разобщены, чем когда-либо прежде. Здесь я попытаюсь рационализировать свои ощущения и интуиции. Действительно ли нам нужно защищать социологию? От кого? Почему именно сейчас? Я часто задаю себе эти вопросы, имея в виду Россию, страну, где я живу и работаю, и международное сообщество в целом. И очень не хочется звучать пессимистично, но приходится. По моему мнению, социологии угрожают как критические внешние риски, так и опасности, идущие изнутри самой нашей профессиональной группы.

> ОПАСНОСТЬ ИЗВНЕ

Внешние угрозы сосредоточены в одной главной проблеме. Скажем прямо, в сегодняшнем мире социология быстро теряет влияние и авторитет. Ни властные структуры (прежде всего, государство и бизнес), ни население не интересуется тем, что мы бы назвали «рациональной диагностикой» клинического состояния общества. Вместо этого берут на себя инициативу давно известные и новоизобретенные формы религии, социальной мифологии и идеологии; почти повсеместно превалирует массовая слепота.

Эти силы практически без усилий оттеснили рациональность даже в социальных науках. В таких условиях область рационалистической научной социологии резко уменьшается. По моему мнению, свет разума является единственным основанием, на котором зиждется власть и возможности социологии. Мы, социологи, можем поставить обществу диагноз. Но возникает

все более устойчивое ощущение, что «клиенты» или «пациенты», т.е. наши общества, выбирают отказ от госпитализации. Наши общества чувствуют себя хорошо и без социологического диагноза, несмотря на то что состояние «пациента» во многих случаях действительно критическое. Иными словами, внешняя угроза социологии возникает из-за отказа общества от рационального и научно-обоснованного анализа текущей ситуации. И это действительно случай «отказа пациента от госпитализации».

> ОПАСНОСТЬ ИЗНУТРИ

Нет ничего удивительного в том, что внутренние угрозы социологии тоже существуют, и они напрямую связаны с внешними. Многие социологи и социологические сообщества, видя, как их социальная роль и общественная значимость стремительно уменьшается, решили превратить социологию в «социальную силу», что-то вроде широкого социального движения за лучшее общество. Из такой перспективы вопросы высокой социологической науки и образования отодвигаются на дальний задний план, а упор делается на ее общественном служении. «Социологи до сих пор только интерпретировали мир разными способами; задача же – его изменить». Этот хорошо известный лозунг Маркса, слегка перефразированный, фактически стал девизом для тех, кто пытается изменить мир, прежде чем мы будем способны понять и интерпретировать его с точки зрения науки. Для этих социологов действие предвосхищает знание. Можем ли мы с этим согласиться? Я не могу. Просто потому, что из истории после 1917-го нам в России хорошо известно, что бывает, если начать радикальную реконструкцию общества не проводя анализа.

> ЧТО НУЖНО (И ЧЕГО НЕ НУЖНО) ДЕЛАТЬ

Я убежден, что, пока человек носит белый халат ученого-социолога, ему не место на общественных/политических баррикадах. Конечно, социолог может в любой момент стать социальным или политическим радетелем за какую-то общественную цель. Однако это немедленно лишает его права представлять социологическую науку. Мы не должны принимать участие в лечении общества (социолог ограничивается диагностикой его проблем).

Существует множество социальных институтов, чья основная задача – проводить это лечение: государство, политическая сфера, общественные организации и движения, пресса, общественное мнение и т.д. Всем знакомым с клиническим процессом хорошо известна важность диагноза и то, что окончательный успех лечения всецело зависит от его точности и правильности. Но диагностика не может - и не должна - быть смешана с лечением. Это различные экспертные области. Да, мы можем и должны вносить свою лепту в изменение мира путем сохранения наших профессиональных научных целей, повышения социологической культуры с помощью образования и средств массовой информации. Только это является «общественной миссией социологии». В противном случае мы станем слепыми проводниками слепых.

«Диагноз нельзя путать с лечением».

Утверждая это, я решительно поддерживаю тезисы Петра Штомпки в защиту социологии. Для него, как и для меня, социологическая наука – это преимущественно научное знание и профессиональное совершенство. Все остальное – под большим вопросом.

Академическая зависимость

Фернанда Бейгель, Национальный научно-технический исследовательский совет, Национальный университет Куйо, Мендоса, Аргентина

Пытаясь представить социологию социологии как всего лишь идеологическое упражнение, Пётр Штомпка смешивает академическую зависимость, интеллектуальный империализм и колониализм в социологии, сваливает их в одну кучу, некритически натурализует и затем категорически отбрасывает, редуцируя их до “отражения более фундаментальных внешних барьеров в нашем глобализованном обществе” (2011: 389). Если оставить в стороне неуважительную манеру, в которой Штомпка описывает периферийных учёных и их работы, то мой первый аргумент состоит в том, что у критических исследований науки долгая история.

Критические исследования появились к середине XX века в Северной и Южной Америке, когда наука в целом (и в особенности социальные науки) была вовлечена в холодную войну. Сегодня академическая зависимость имеет другой характер и представляет собой особую парадигму современной социологии, понимаемой как “мультипарадигматическая дисциплина” (Штомпка 2010: 22).

Академическая зависимость как поле исследования базируется на социальных исследованиях науки, критической эпистемологии и сравнительных исследованиях высшего образования. Это поле включает изучение неравномерной структуры производства и циркулирования знания, исторически развивавшегося

вместе с международной научной системой. Эта структура состоит из связанных друг с другом институциональных, материальных и символических процессов, породивших различные пути развития научного сообщества. На периферии комбинация этих процессов является историческим результатом национальных и региональных реакций на интернационализацию, особенно при учёте того, что государство может играть различную роль в жизни науки и высшего образования.

Множество исследований посвящено отношениям между научными проектами и иностранной помощью, неравному распределению научного престижа между дисциплинами и институтами, неравенству возможностей для исследований и гетерономной академической мобильности. В этом исследовательском поле анализируется интеллектуальная зависимость, евроцентризм и колониализм в производстве знания. Эти исследования пересекаются по своему критическому пафосу с анализом зависимости и латиноамериканским структурализмом – двумя традициями, в основном занимающимися экономикой и политикой. Во второй половине 1970-х новаторские работы Эдварда Шилса, Джозефа Бен Давида и Филиппа Альтбаха подтвердили существование особых факторов, формирующих субординацию внутри академического поля. В 1988 году в журнале “Международная социология” (International Sociology) была опубликована важная

работа Фредерика Гаро, в которой автор утверждает, что западные социальные науки сконструировали свои “истины”, пользуясь лишь незначительными данными, касающимися стран Третьего мира, что вызвало серьёзные сомнения в объективности этих “истин”. Анализ “Международной энциклопедии социальных наук” (International Encyclopedia of the Social Sciences), проведённый Гаро, показал, что 98,1% авторов имели отношение к североамериканским или европейским университетам, причём последние преимущественно принадлежали к Великобритании, Франции и Германии.

Недавние исследования показали, что “универсальные стандарты” социологических исследований и “хорошая теоретическая база” были составлены и легитимизированы “международной” системой публикации, основанной Юджином Гарфилдом в 1950-х гг. На протяжении многих десятилетий верхушку Индекса цитирования общественных наук (ИЦОН, Social Science Citation Index) занимали европейские и американские журналы. Академический престиж постепенно сосредотачивался в определённых научных центрах, и был установлен набор международных иерархий, отделяющих исследования, проведённые в более престижных центрах, от маргинального знания, произведённого и опубликованного вне их. Несмотря на рост научной активности во многих периферийных странах, статьи авторов из Латинской Америки, Азии и Африки на данный момент составляют менее 20% в ИЦОН (Beigel, 2011). В результате стремление к академической автономии является сложной и трудоёмкой задачей для периферийных социологий, в то время как в американской или французской социологии оно воспринимается как

должное.

Всемирный доклад о состоянии социальных наук (ЮНЕСКО, 2010) показал, что различия в институциональных ситуациях, возможности перевода и материальные ресурсы являются мощными детерминантами научной жизни. В совместных исследованиях всё ещё доминируют партнёрства представителей северных стран с небольшой долей статей – продуктов сотрудничества двух или более южных стран (2010: 146). Хейлброн показал, что символические блага, производимые центральными академическими институтами – и написанные на английском языке, – имеют гораздо более широкий уровень международного циркулирования, чем те, что написаны на «периферийных» языках (испанском, португальском, арабском, русском). Уровень «экспорта» последних очень низок или даже нулевой, так как у этих работ минимальный доступ к публикации в более престижных журналах авторитетных исследовательских центров. Также было показано, что развитие периферийных цепей циркулирования научного знания может со временем привести к уменьшению научного импорта и росту эндогенного производства концепций или теорий. При этом трудно увеличить их циркуляцию в международном сообществе. Эти «периферийные центры», особенно в социальных науках, занимают

По сути, существует множество социологий как на Западе, так и «в других местах»

доминирующие позиции в южных регионах, где они находятся, но остаются в подчинённом положении в рамках «Глобальной Социологии» (Beigel, 2010).

Не существует единого мнения по поводу возможностей и путей преодоления академической зависимости. С точки зрения индивидуального учёного, карьерный рост через международное последипломное образование и публикации на английском языке, несомненно, обеспечивает успешный путь к научному признанию – хотя, в основном, этот вариант эффективен для естественных наук. Однако такой индивидуальный путь накопления научного капитала не обязательно ведёт к научному развитию периферийных обществ.

В завершение выскажу свое мнение об оппозиции между Западной социологией и Местной (Indigenous) социологией, которую Штомпка редуцировал до простой дихотомии. Социология на перифериях – феномен не новый, у него есть своя история и свои ответвления. Одна из дискуссий ведётся именно вокруг статуса локального знания. Точно таким же образом дихотомия не видит критических перспектив,

циркулировавших в «Западной Социологии», по крайней мере, на протяжении последних пятидесяти лет. По сути, множество социологий существует как на Западе, так и «в других местах» ('in the Rest').

¹ Я изучала движение за открытый доступ к ИЦОН и другим популярным индексам цитирования, а также протесты против самой дискуссии о международных стандартах публикации, сосредоточенные в этих альтернативных журналах и базах данных (Beigel, 2011).

Источники

Beigel, F. (2010) "Social Sciences in Chile (1957-1973). A laboratory for an autonomous process of academia-building." Pp.183-212 in *Academic Dependency in the Social Sciences: Structural Reality and Intellectual Challenges*, edited by S. F. Alatas and K. Sinha-Kerkoff. New Delhi: Manohar.

Beigel, F. (2011) "Científicos Calibanes. Las ciencias sociales latinoamericanas en la encrucijada del sistema académico mundial". Valparaíso, IV Congreso Chileno de Sociología.

Gareau, F. (1988) "Another type of third world dependency: the social sciences," *International Sociology* 3(2): 171-178.

Sztompka, P. (2010) "One Sociology or many?" Pp.21-28 in *The ISA Handbook of Diverse Sociological Traditions*, edited by S. Patel. London: SAGE.

Sztompka, P. (2011) "Another Sociological Utopia," *Contemporary Sociology* 40(4): 388-396.

UNESCO. (2010) *World Social Science Report. Knowledge Divides*. Paris: UNESCO.

> Производство социологии в современном неравном мире

Хельга Новотны, Президент Европейского исследовательского совета, председатель ученого совета Университета Вены, Австрия, пожизненный член МСА

Социология XXI века развивается в мире неравенства. Тем не менее, эта наука обладает гораздо большими интеллектуальными и научными ресурсами, чем те, что были отмечены в дискуссии между Петром Штомпкой и Майклом Буравым (в целом, весьма стимулирующей). Отмечу по крайней мере три обстоятельства.

1. Глобальная наука и неравные возможности

Развитие сложных исследований на стыке дисциплин, новых технологий и их потенциальное и фактическое использование сделало науку глобальным предприятием. Большинство правительств рассматривает науку и технику в качестве двигателя экономического роста, национального престижа и/или военного влияния, и преобразование нашего мира с помощью науки происходит с беспрецедентной скоростью. Результатами такого вмешательства человека становятся новые уровни сложности, сопровождаемые новой неопределенностью и появлением хорошо известных глобальных и локальных проблем.

Положение о том, что производство социального и естественного порядка сопутствуют друг другу, сформулированное в Исследованиях науки и технологии (STS), по новому ставит вопрос о равном доступе к таким ресурсам, как информация, знания, образование и демократическое участие, имеющим решающее значение в связи с - возможно, утопическим - видением будущего глобального научного гражданства.

Неравное распределение ресурсов находит выражение в неравном доступе к высшему образованию, финансированию и исследовательским организациям. Подавляющее большинство научных публикаций все еще производится на Севере, месте концентрации наиболее продуктивных и престижных университетов и исследовательских институтов. Между тем, развитие так называемым дисциплин STEM (наука, технологии, инженерия и медицина) как основных бенефициаров этого процесса быстро меняет эту картину, поскольку Китай, Индия, Бразилия и другие внушительно увеличивают свою долю и влияние в производстве знаний. Перед лицом

множества новых социальных проблем, от изменения климата до роста фундаментализма, роль социальной науки для политиков только возрастает. Хотя ставшая повсеместной риторика инноваций является не более чем коллективной ставкой в условиях хрупкого будущего, научно-технические инновации неизбежно повлекут за собой социальные новшества.

2. Освобождение социологии от ограничений, вызванных дисциплинарными и национальными границами

По сравнению с этапом становления социологии важность и значимость дисциплинарных и национальных идентичностей заметно уменьшилась. Когда-то дисциплинарные и национальные границы, определяющие формирование социальной науки, сейчас они рискуют стать помехой ее развитию. Наука в смысле *Wissenschaft* характеризуется динамической внутренней множественностью. Новое знание часто возникает на стыке установленных дисциплин. Методы, инструменты и техники

>>

творчески мигрируют через границы. И даже если основанное на кафедрах и факультетах дисциплинарное деление остается мощным препятствием, расширение междисциплинарного сотрудничества является необратимым процессом.

Это не означает, что дисциплинарные границы стали совершенно неуместны. Дисциплинарная идентичность, в рамках которой студенты проходят социализацию, имеет значение для процесса обучения, и это представляет собой интересную социологическую проблему. Также сохраняется мнение, что есть некое «ядро социологического знания», которое следует защищать от нового академического управления, стремящегося подчинить все процессы нормам эффективности и подотчетности. Это не только проблема Запада. Учитывая быстрое распространение бизнес-модели успешного, обычно англо-американского, университета и охотного подражания ей в остальном мире, дисциплинарные границы везде оказываются в ведении менеджеров от науки.

Социология продемонстрировала особую продуктивность и трансформирующую силу, проникая на территорию других дисциплин, настаивая на важности человеческой деятельности (agency) и напоминая обществу о его озадачивающем разнообразии. Хотя социология как наука выросла под сенью национального государства, сопоставляя проблемы социального порядка с территориальными границами, с позиций сегодняшнего дня каждая национальная социология является частью экосистемы плюралистского знания, неизбежно определяемого различными институциональными механизмами, а также политическими, экономическими и культурными контекстами.

3. Образ реальной утопии альтернативного знания

Утопия знания должна артикулировать эпистемические

предположения, которые лежат в ее основании, и сформулировать критерии проверки производства знания. Чтобы бросить вызов реально существующей иерархии знаний, утопия должна найти в ней свое место. В числе максим, унаследованных от эпохи Просвещения, - сильный дух оппозиции любым религиозным и политическим властям, глубоко укорененный скептицизм и убежденность в том, что все знание, в том числе и научное, носит временный характер и будет замещено вследствие расширяющегося человеческого понимания мира. Сама истина - и возможности для множества инстин - находится в процессе постоянной эволюции. Это главная причина, почему наследие эпохи Просвещения сохраняется и почему любая попытка разработки альтернативных способов производства знания должна противостоять этому мощному и самообновляющемуся процессу.

Просвещение необходимо переосмыслить - или даже изобрести заново

Во многих других смыслах наследие Просвещения требует переосмысления или даже изобретения заново (Aboagora). Оно должно прийти к пониманию своего имманентного противоречия между чувствами (в том числе моральными основаниями), рассудком и разумом, между фикцией автономного индивида и его связями с меняющимся множеством коллективностей. Оно должно пересмотреть несостоятельные дихотомии между естественным и искусственным. Оно должно признать ложность своего универсализма, принимая вместо этого идею глобального контекстуализма.

Именно потому такие проекты, как «Провинциализируя Европу» (Provincializing Europe) Дипеша

Чакрабарти или «Другое знание возможно» (Another Knowledge is Possible) (де Соуза Сантос, 2007) становятся отчаянными попытками выйти за пределы эпистемологий Севера и признать эпистемологическое разнообразие. Существование таких реальных утопий знания возможно потому, что их воображаемое зиждется на альтернативных критериях, таких как человеческое достоинство, коллективная справедливость и способность к чему-то стремиться (Арджун Аппадурай), а также потому, что они включают в себя подчиненные движения, сопротивляясь искушению закрепить свои утопии в зыбучих песках релятивизма. Тем не менее, этим утопиям нужно будет вступить во взаимодействие с существующими иерархиями производства знания, пусть даже те сейчас быстро меняются вследствие новых технологий, размывающих монополию на знание и предоставляющих огромные глобальные образовательные возможности, а также в ходе процесса совместного производства (co-production) знания. При этом я могу только согласиться с трезвым заключением Королевского общества: «Судя по всему, английский останется доминирующим языком в исследованиях и глобальное исследовательское сообщество по большому счету готово к этому приспособиться».

Ссылки:
Aboagora (2011) <http://www.aboagora.fi/>

Allenby, Braden R. and Sarewitz, D. (2011) *The Techno-Human Condition*. Cambridge, Mass.: The MIT Press.

Chakrabarty, D. (2007) *Provincializing Europe: Post-colonial Thought and Historical Difference*. Princeton: Princeton University Press.

De Sousa Santos, B., ed. (2007) *Another Knowledge is Possible: Beyond Northern Epistemologies*. London-New York: Verso.

Nowotny, H., P. Scott, and M. Gibbons. (2001) *Re-Thinking Science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty*. Oxford: Polity Press.

Nowotny, H. (2006) "The Potential of Transdisciplinarity", <http://www.interdisciplines.org/>

Nowotny, H. (2010) "Out of science - out of sync?" Pp.319-322 in *World Social Science Report*. Paris: UNESCO.

> Когда окончание войны не означает наступление мира

Алиса Щепаникова, стипендиат Фонда Александра фон Гумбольта, Университет Гете, Франкфурт-на-Майне, Германия

Продолжение насилия в разрушенной Чечне.

Люба Владовская пригласила меня к себе, в темную холодную квартиру в пригороде Вены. После долгих дней и ночей, проведенных в подвалах и бомбоубежищах Грозного, столицы Чечни, ей хотелось жить в квартире с большими окнами, и она попросила сыновей найти ей такую. Теперь у нее есть большие окна, но они смотрят на грязный двор, а проникающий сквозь треснувшие рамы сквозняк делает жилище еще холоднее. В этой

двухкомнатной квартире с сильно завышенной платой она живет с сыном и мужем. Семейная пара была вынуждена покинуть Чечню в 2008 году, и Австрия предоставила им убежище. Двое сыновей бежали раньше, вырвавшись из круга незаконных задержаний и мучений. Судьба этой семьи свидетельствует о том, что окончание войны в Чечне не принесло ее гражданам мира и стабильности, а получение убежища в европейской стране не гарантирует

безопасность и жизнь без страха.

Идет семнадцатый год с начала первой чеченской войны и двенадцатый с тех пор, как началась вторая военная кампания. В 2002 году президент Владимир Путин объявил об окончании войны. В последующие два года российские граждане, в основном, из Чечни, составили самую многочисленную группу ищущих убежище в Европе. Австрия приняла

значительную часть таких беженцев. Россия остается одной из трех основных отправляющих стран, чьи граждане ищут убежища в странах Европейского Союза. Несмотря на то, что по всей Европе растет количество отказов на заявления выходцев с Северного Кавказа, они настойчиво продолжают свои попытки.

В 2000-х годах управление республикой было передано промосковским чеченцам, что получило название «чеченизации конфликта». Предполагалось, что чеченцы будут вести «антитеррористическую» кампанию сами. Пользуясь сильной поддержкой Москвы, местные силы постепенно получили значительную степень свободы в управлении своей республикой. Таким образом, хотя Чечня и является частью Российской Федерации, у нее есть своя, параллельная уголовно-процессуальная система, включающая неписанные правила, которые относятся снисходительно к фальсификации показаний и пыткам. Сотни человек становятся ее жертвами. Местные власти имеют свой, особенный метод расследования преступлений: сначала определяют потенциальных преступников и только затем подбирают доказательства их виновности; доказательства часто безосновательны и получены через пытки. Однако в среде, где большинство представителей системы уголовного права лояльны промосковскому режиму, это эффективный способ, позволяющий разобрать «висящие» дела и продвинуться в карьере, и все это во имя борьбы с «исламским терроризмом».

Сын Любы, Михаил Владовский, был оправдан в 2005 г., проведя два года в тюрьме. Его посадили, обвинив в подрывах военных автомашин.

Михаилу вменялся сговор с другим мужчиной, хотя в действительности они впервые встретились в камере предварительного заключения полиции Грозного, где оба подвергались пыткам. Дело было довольно типичным, и потому оправдательный приговор стал огромным сюрпризом. Анна Политковская и Наталия Эстемирова, обе известные правозащитницы (и обе позднее были убиты) написали статьи об исключительности этого решения Верховного суда. Судья просто принял решение более детально рассмотреть доказательства - и дело развалилось. Пока Михаил восстанавливался от ран, стало ясно, что он, как и его брат, из которого тоже пытками выбивали показания против Михаила, должны покинуть республику, чтобы избежать следующего тюремного заключения - апелляция оправдательного приговора, поданная прокуратурой, была успешной. После их отъезда Люба продолжила попытки доказать невиновность Михаила и добиться наказания его мучителей. Это становилось все более опасным - в дом зачастили вооруженные люди, а однажды в нее стреляли из проезжающего мимо автомобиля. Стало ясно, что пришло время ехать и ей. Человека, пережившего две чеченские войны, заставил бежать процесс «нормализации», проводимый чеченскими властями.

Когда Люба обосновалась в своем новом доме, начали давать о себе знать старые болезни. В Чечне она просто не могла себе позволить лечения и в Австрии проводит много времени в больницах. Но излечиться от страха почти невозможно. Она говорит, что страх укоренился слишком глубоко, и она не может его победить. Люба вздрагивает, даже когда звонит телефон. Есть ли у нее причины бояться? В 2009 году Умар Исраилов, молодой

чеченец, получивший в Австрии статус беженца, был застрелен в Вене среди белого дня. Он официально обвинил правительство России в потворстве пыткам и смертным приговорам незаконно задержанных в Чечне и указал на прямую причастность к этим практикам чеченского президента Рамзана Кадырова. Убийство Исраилова не только убрало ценного свидетеля, но и преподало ясный урок беженцам из Чечни. Ширятся слухи о действующих в Европе информантах Кадырова, и в чеченских сообществах растет недоверие. В этом году в Австрии убийцы Исраилова были приговорены к суровому наказанию, но их связь с предполагаемыми заказчиками преступления остается недоказанной. И поскольку патрон Кадырова, Владимир Путин, уверенно движется к следующему сроку своего президентства, есть основания полагать, что безнаказанность в Чечне продолжится.

> Конгресс Латиноамериканской социологической ассоциации: Итоговая декларация

Ракель Соса Элизага, Национальный независимый университет Мексики, вице-президент МСА по подготовке программы конгресса в Йокогаме (2014)

Пикет чилийских студентов на Конгрессе Латиноамериканской социологической ассоциации, сентябрь, 2011.

В Ресифе, Бразилия, с 6 по 10 сентября 2011 состоялся XXVIII Конгресс Латиноамериканской социологической ассоциации. На конгресс съехались 4578 участников и 9716 зарегистрированных студентов, специалистов, исследователей и преподавателей. Десятки профессоров, студентов и исследователей Ресифеского и других бразильских университетов приложили массу усилий для организации семи пленарных докладов, девяти сборных и двадцати пяти тематических секций, 52 круглых столов и 30 рабочих

групп. Собралось энергичное, активное, критичное и вовлеченное сообщество, состоящее в основном из молодежи, что придало особый смысл обсуждению, вопросам и результатам исследований, представленных на одном из самых интересных конгрессов в истории Ассоциации.

Наш регион полон контрастов. С одной стороны, в Мексике мы имеем трагическую цифру в 50,000 пострадавших от недавнего наводнения и острую необходимость в

>>

восстановлении справедливости и прекращении того, что теперь может быть названо геноцидом; постоянную боль, связанную с уничтожением и непростительно медленной реконструкцией Гаити; опасность восстановления режима преступниками, совершившими геноцид в Гватемале; угрозы новой тирании в Гондурасе, продолжение печально известной экономической блокады, угрожающей свободе кубинского народа в течение последние пятидесяти лет; существование иностранных военных баз на территории Кубы, Колумбии и Пуэрто-Рико. С другой стороны, мы видим примеры альтернативного развития, которые доказывают, что у нас есть память и сила для преодоления трудностей: Бразилия, Эквадор, Боливия, Венесуэла, Уругвай, Парагвай, Аргентина, конечно, Куба и с недавних пор Перу открыли путь надежды для нашего народа, осознающего серьезные проблемы, препятствующие будущему миллионов людей в нашем великом регионе.

Пауло Энрике Мартинс, президент
Латиноамериканской социологической
ассоциации на конгрессе в Ресифе, сентябрь,
2011.

С точки зрения равенства Латинская Америка является самым неоднородным регионом мира. Насилие уносит жизни более 140,000 человек в год; более 30% населения живут в нищете; более 8% населения неграмотны. Мы ничего не сделали для того, чтобы наши университеты и другие высшие учебные заведения не стали привилегированным местом в условиях, когда тысячи человек не в состоянии удовлетворить свои основные

потребности. Более того, мы не смогли предотвратить превращение наших университетов – постепенно или стремительно – в закрытые центры специализации и профессионализма, где студенты и преподаватели отчуждены от окружающей их культурной, социальной и политической жизни, не говоря уже о самых хрупких экономически средах.

Мы, присутствующие здесь социологи, подтверждаем свою приверженность пути, начатому нашими коллегами, основавшими Ассоциацию: Рую Мауро Марини, Октавио Янни, Флорестану Фернандесу, Агустину Куэве, Рене Завалета, Эдуардо Руиса Контардо, Лусии Сала. (Ruy Mauro Marini, Octavio Ianni, Florestán Fernandes, Agustín Cueva, René Zavaleta, Eduardo Ruiz Contardo, Lucía Sala). Мы чтим память наших коллег, а также тысяч мужественных людей, которые победили террор, боролись против угнетения женщин, расизма, нетерпимости и геноцида в нашей Америке. Наш народ борется и побеждает различные невзгоды, несовместимые с чувством человеческого достоинства, стремится жить полной и творческой жизнью. Наша задача направить все свое воображение и непоколебимую волю на создание такого социального мира, о котором мечтали Туссен Лувертюр, Идальго и Морелос, Боливар, Артигас, О’Хиггинс и Сан-Мартин, Хосе Марти, Бенито Хуарес, Сандино, Фарабундо Марти, Че Гевара, Сальвадор Альенде. «Да здравствует Латиноамериканская социология! Да здравствует АЛАС»!

Итоговая декларация, представленная профессором Элизагой на конгрессе в Ресифе, была единогласно принята Генеральной Ассамблеей.

> Социология беспокойного времени: обращение к Европейской социологической ассоциации

Аналия Торрес, Технический университет Лиссабона, Президент ЕСА, 2009-2011

“Дженнифер или ротация авиа-стюардов” – пантомима Каре Руж Си, представленная на Конгрессе ЕСА в Женеве, 9 сентября, 2011г. Фото Сандро Катачина.

Социальные отношения в беспокойное время, тема 10-й конференции Европейской Социологической Ассоциации, состоявшейся в Женеве 7-10 сентября 2011 года, является несомненно злободневной. Действительно, беспокойство и волнения стали повседневной реальностью, особенно в 2011 году.

В Европе на экономическом уровне происходит то, что я осмелюсь назвать финансовой войной. В XX веке мы пережили две разрушительных мировых войны и одну “холодную”; в XXI веке мы столкнулись с финансовой и экономической войной. Давление со стороны финансовых рынков и рейтинговых агентств выглядит и переживается как вооружённое вторжение, атакующее страну за страной, начиная с наиболее хрупких экономик и ударяющее по

Неолиберальное глобальное доминирование, кажется, затрагивает все сферы, от рынков до государств и университетов, подчиняя их своей логике. В то же время эффект кризиса на социальном уровне привёл к контрреакциям и яростным протестам. Всё это дополняется невероятной идеологической мистификацией. Общественные ресурсы используются для удовлетворения личных интересов, а причиной кризиса считаются государственные расходы!

европейской валюте (Евро).

Как мы до этого дошли? Кризис, который мы переживаем сейчас, является логическим следствием тенденции, которую социология предвидела ещё в начале 80-х. Европейские социологи в течение долгого времени утверждали, что к сложившейся ситуации привело негативное влияние трех автономных противоречивых экономических и финансовых трендов, которые иногда переплетаются.

Первый тренд – финансовый и экономический. Глобальный финансовый рынок и его необычайная мобильность стали диктовать правила политического поведения регионам и национальным государствам. За последние 20 лет власть транснациональных корпораций, имеющих доступ к новым источникам дешёвой рабочей силы, вызывает растущее напряжение в европейских странах. Их давление привело к тому, что на протяжении всех 1990-х происходили процессы раскола и дезинтеграции обществ. В то же время государства оказались не в состоянии контролировать или регулировать движение финансового капитала, так как он имеет высокую мобильность. В числе последствий этих процессов – экономический спад и кризис государства благосостояния. Социологам было нетрудно предсказать, что при условиях исключения и экономической депривации возникнут конфликты. А это именно то, что мы видим сейчас: серьёзные конфликты, спонтанные протесты и даже жестокие восстания.

Второй тренд носит политический характер. Создание Европейского Союза стало знаком того, что существуют противоречивые дезинтегрирующие силы, о которых упоминалось выше. Европейский Союз изначально представлял собой попытку сконструировать комплекс норм и институтов, нацеленных на защиту прав человека, борьбу с национализмами или какими-либо другими “измами”, и противостоять идеям национального превосходства. Более того, эти политические нормы и усилия не основывались на древних традициях, религиозных или каких-либо иных, они были следствием уроков, преподанных Второй мировой войной и Холокостом. Однако с момента создания ЕС преобладающей тенденцией, кажется, становится неолиберальное ослабление регулирования, ставшее доминирующей силой в Европейской Комиссии. Блок интересов и политических идей, вдохновивший создателей Европейского Союза и его социальную концепцию, более не играет важной роли.

Третий тренд – усиливающаяся связь между гражданским обществом и социально-политическими программами как в Европе, так и на глобальном уровне. Мы достаточно много знаем о гражданских и политических протестах, направленных против политики сокращения социальной помощи и безработицы, против ненадёжных рабочих мест и доминирующей иммиграционной политики, против деградации планеты. Исследователям и политикам очевидно, что существует огромный дисбаланс сил гражданских активистов и транснациональных корпораций. Неудивительно, что протесты гораздо чаще представляют собой взрывы гнева по поводу вопиющего неравенства, чем организованные акции с ясными целями. Они напоминают нам о периоде ранней индустриализации и бунтах “опасных классов”.

Социальные исследователи внесли большой вклад в публичную политику и формирование Европейской социальной модели. Но нам нужно нечто гораздо большее, чем то, что уже сделано. Нам необходимо пересмотреть наш анализ происходящего кризиса, обозначить “белые пятна” и, если привести лишь один пример, открыть чёрный ящик деятельности финансовых рынков. Нам необходимо распространить результаты наших исследований и обсудить их в публичной сфере, осудить негативное влияние неолиберальных предпочтений и средств. Нам необходимо соединить наши европейские усилия с усилиями коллег по всему миру, разрабатывать определения Глобальной Социологии и использовать стратегии Публичной Социологии, как делает Майкл Буравой и другие исследователи Международной Социологической Ассоциации.

> До свидания, Девора!

Приветствуем Мохаммеда!

В конце этого (2011) года Девора Калекин заканчивает свою работу в качестве основателя и редактора International Sociology Review of Books (ISRB) и передает дела Мохаммеду Бамеху. «Глобальный Диалог» пользуется случаем выразить сердечную благодарность Деворе Калекин за ее личный вклад и публикует имейл-интервью Деворы с Дженнифер Платт, вице-президентом МСА по публикациям.

Мохаммед Бамех, новый редактор
International Sociology Review of Books.

До свидания, Девора...

ДП: Как к Вам пришла идея выпускать ISRB?

ДК: Идея специального издания МСА, посвященного книжному обзору, принадлежит Сюзан МакДаниел, моей предшественнице на посту вице-президента по публикациям. Ее вдохновил на это журнал Американской социологической ассоциации Contemporary Sociology, один из самых популярных журналов АСА. В то время International Sociology выходил только четыре раза в год, и расширение рубрики книжного обозрения (которую Вы редактировали) было оправданным, только если журнал мог предоставить какую-то новую или труднодоступную информацию. Я тогда была членом Совета по публикациям, мне это было интересно, и Сюзан предложила мне написать заявку.

Я тогда написала, что «учреждение журнала МСА, посвященного обзору публикаций по социологии, - это не больше не меньше, как заявка для разжигания социологического воображения. [...] Несмотря на сомнения в пользу продвижения экономической глобализации, социология как наука должна выйти на глобальный уровень. Выявление и исследование социальных процессов в различных политических,

экономических и исторических условиях является теоретическим и практическим вопросом в мире, где свободное передвижение людей, товаров и методов стало клише. Предлагаемый журнал [...] станет признанием того, что сегодня дисциплина обогащается знанием коллег, чья профессиональная экспертиза задается различными, разнообразными опытами общества. [...] Журнал] будет выполнять важную функцию, служа платформой для сбора, сортировки и организации, если не систематизации, разновидностей социологических точек зрения, часто недоступных».

Планирование началось с заглавия. Я надеялась, что название журнала «Книжное обозрение» (Review of Books) наделит его нужным смыслом. Выделение различных рубрик, таких как: обзорные эссе, интервью, разделы книжного обозрения, меняющиеся более или менее из номера в номер, - было связано с моим желанием соединить привлекательность разнообразия материала и четкие дисциплинарные рамки. В моем понимании задача редактора заключается в обеспечении освещения дискуссии за пределами англосаксонского мира, насколько это возможно, и публикаций рецензий на работы, выходящие на других языках, кроме английского. Обзорные эссе задумывались как возможность обобщенно представить важные тенденции в социологии с разных точек зрения.

Я планировала публиковать в каждом номере по три обзорных эссе: о классических работах, методологических публикациях и исследованиях в одной из областей социологии. Я всегда старалась включить интервью, потому что люблю их читать. Полагая, что людям, читающим социологические работы, может быть интересна история их написания, я ввела раздел «Слово писателям». Еще одним редакционным решением было публиковать достаточно подробные обзоры (около 1500 слов), содержащие «взгляд» на важные публикации.

ДП: Можно ли подвести некоторые итоги ISRB? Чего удалось достичь?

ДК: Хотя мы планировали достичь большего, чем сделано на сегодняшний день, самым важным вкладом ISRB является, на мой взгляд, то, что он сделал читателя

>>

чувствительным к широкому спектру дисциплинарных тем и действующих подходов, характеризующих сегодняшнюю мировую социологию. Он также предоставил платформу для разных поколений социологов; рецензируемые книги включают работы как молодых социологов, так и ветеранов, пишущих современную классику. Я также рада, что мы получаем рецензии и обзорные эссе со всех континентов и действительно со всех уровней академической иерархии. В некоторой степени ISRB внес свой вклад в разрушение языкового барьера. У нас действительно есть рецензии на книги, написанные на многих языках, кроме английского, и с течением времени стало возможным также принимать и рецензии, написанные на других языках.

ДП: Что бы Вы выделили особо?

Д.К.: Таких вещей, на мой взгляд, несколько. Прежде всего, я благодарна всем, кто сотрудничал с ISRB и заполнял выпуски журнала богатой палитрой социологических размышлений. Еще одна особенность издания – это интервью. Из-за нехватки места приходилось задавать довольно схематичные вопросы. Но каждый из социологов, с кем я имела удовольствие говорить, раскрывал такие аспекты дисциплины, которые нельзя было вывести только из чтения их работ. Их заинтересованность и взгляды часто добавляли к публикациям новые, удивительные оттенки. И я думаю, что важно, что ISRB публикует рецензии на книги в относительно новых областях, но уделяет внимание также и старым работам, не потерявшим актуальность.

Д.П.: Как журнал был принят?

Д.К.: В нынешних условиях подотчетности профессиональным ответом было бы привести данные о факторе влияния (impact-factor). К счастью (или к сожалению, тут уж как поглядеть), для рецензий и обзоров фактор влияния не рассчитывается. Большинство рецензий пишется по запросу; корректировки обсуждаются редактором и рецензентом, а закрытое реферирование (за исключением аналитических обзоров) не имеет смысла. Так что, возможно, мы можем судить о престиже журнала по положению International Sociology (IS). Согласно статистике SAGE, фактор влияния IS в течение последних пяти-шести лет неуклонно растет. И можно надеяться, что ISRB как-то этому поспособствовал. Кроме того, издание получило положительные отзывы коллег и мне бы хотелось думать, что они искренни.

Д.П.: Что было самым проблематичным?

Д.К.: В последнем обмене имейлами Алан Сика, редактор Contemporary Sociology, написал, что всем нравится читать обзоры и никто не хочет их писать. Надеюсь, первая часть его заявления относится к ISRB. Но то, что вторая часть его суждения актуальна для ISRB – это несомненно. Главная проблема редакторов обзорных изданий – собрать рецензии. В офис постоянным потоком идут книги, а еще

более мощным – уведомления о книгах, которые вскоре будут опубликованы. Просмотр списков книг и описаний и выбор самых актуальных – это приятная часть; потом нужно найти рецензентов. В такой организации, как МСА, включающей почти 60 исследовательских групп, нетрудно найти людей, чью экспертную оценку стоит иметь. Но убедить экспертов, что в их интересах не только прочесть новую работу, но и поделиться своими впечатлениями с коллегами, написав рецензию, это совсем другое дело. Ясно, что эта проблема решаема, но тем не менее это проблема.

Еще одна проблема, с которой я столкнулась, – содержательная, и тут удовлетворительного решения пока не найдено. Я планировала регулярно включать обзоры визуальных материалов социологического происхождения. Спектр этих материалов и их количество неуклонно растет. Тем не менее, на протяжении всех лет моей редакторской деятельности мне удалось получить лишь несколько статей о социально значимых документальных фильмах и видеозаписях встреч со значимыми социологами.

ДП: Что бы Вы хотели сказать Вашему последователю?

ДК: Все эти годы с момента дебюта ISRB были приключением и потрясающим опытом – но я бы не осмелилась! Для меня большая честь передавать дела такому выдающемуся ученому, и я желаю Мохаммеду Бамеху успеха в продвижении ISRB во всех смыслах этого слова

... Приветствуем Мохаммеда!

Мохаммед Бамех, новый редактор ISRB – профессор социологии в Питтсбургском университете, США. Он посвятил большую часть своей карьеры преподаванию и исследованию ислама, политической и культурной глобализации, гражданского общества и общественных движений и сравнительной социальной и политической теории. Более подробно см.:

www.sociology.pitt.edu/faculty/index.php?q=mohammed-bamyeh/view.

Проф. Бамех рад возможности продолжить дело Деворы Калекин и содействовать дальнейшему укреплению и развитию уникального профиля ISRB. Он приглашает рецензентов, готовых обратиться к менее известным, но перспективным областям социологических исследований в различных мировых традициях, уделяя особое внимание материалам, недоступным на английском языке или труднодоступным для международного сообщества.

E-mail для связи: mab205@pitt.edu